

УДК 94 (47+571).084.8

Р. Е. Романов

*Институт истории СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

rromanov1981@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЭВАКОНАСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНОСИБИРСКОМ ТЫЛУ (1941–1945): ОГРАНИЧЕНИЯ И СТИМУЛЫ *

Проанализированы ограничения и стимулы социально-трудовых перемещений эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Показаны мероприятия советского государства по закреплению персонала перебазированных в регион заводов, трудоустройству мигрантов по специальности или их подготовке к новым профессиям, материальному, жилищному и продовольственному обеспечению, мобилизации незанятых эвакуантов на производство. Сделан вывод о том, что государственная кадровая политика в отношении эвакуонаселения осуществлялась за счет совокупности социально-профессиональных, материально-бытовых и административно-мобилизационных механизмов. В функционировании данных механизмов нашли отражение две противоположные тенденции этой политики: сдерживание оттока наиболее опытных работников из оборонной и смежных с ней отраслей тяжелой промышленности и активизация поступления незанятых эвакуантов в отрасли народного хозяйства западносибирского тыла.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, западносибирский тыл, эвакуированное население, социально-трудовые перемещения, ограничения и стимулы.

В годы Великой Отечественной войны Западная Сибирь являлась одним из тыловых регионов СССР, принявшим эвакуированное население. Организованная советским государством эвакуация обуславливалась, прежде всего, необходимостью спасения миллионов беззащитных людей от фашистской агрессии и оккупации. Но наряду с гуманитарными высшее руководство страны преследовало и прагматические цели, связанные с перебазированием на ее восточные окраины свыше двух с половиной тысяч предприятий. Правительство рассматривало эвакуантов как

ценный трудовой ресурс для комплектования кадров военной экономики тыла. В слабозаселенной Западной Сибири, где находились крупные индустриальные районы (Кузбасс) и города (Новосибирск, Омск и т. п.), такой подход к смягчению остроты кадровой проблемы оказался весьма актуальным. В связи с этим центральные и местные органы власти принимали различные меры с целью обеспечения занятости эвакуонаселения в регионе. Решение подобной задачи осуществлялось за счет механизмов ограничения или стимулирования социально-трудовых перемещений

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00068.

Романов Р. Е. Социально-трудовые перемещения эвакуонаселения в западносибирском тылу (1941–1945): ограничения и стимулы // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 8: История. С. 146–156.

мигрантов, прибывших из прифронтовой полосы.

Тема трудоустройства населения, эвакуированного в западносибирский тыл, получила широкое освещение в отечественной историографии. В советской научно-исторической литературе [Акулов, 1967; Докучаев, 1968; 1973; Рабочий класс Сибири..., 1984] осуществлялось комплексное изучение государственной политики по формированию кадров военной экономики региона за счет разнообразных социальных источников. В качестве одного из таких источников рассматривалось эвакуанселение и его отдельные категории. В частности, была охарактеризована роль эвакуированных рабочих и специалистов [Докучаев, 1971], вузовской интеллигенции и студентов [Петрова, 1968] в формировании индустриальных кадров, участие эвакуантов в колхозно-совхозном производстве [Щеголев, 1959].

В современных исследованиях эвакуированное население изучалось комплексно как сложный социальный феномен военного времени, в том числе как трудовой потенциал тыловых районов СССР. Данный подход был реализован в монографических работах поволжских [Федотов, 2009], уральских [Потемкина, 2002; 2006] и документальных публикациях западносибирских [Во имя Победы..., 2005] историков. В контексте многогранного процесса адаптации эвакуантов к новой и суровой социальной среде были проанализированы аспекты экономического использования людских ресурсов, перемещенных в восточные районы страны. Внимание уделялось также анализу форм трудоустройства мигрантов из европейской части СССР в отраслях народного хозяйства Западной Сибири [Снегирева, 2010]. Однако вопрос о механизмах регулирования советским государством социально-трудовых перемещений эвакуанселения и их влияния на способы решения кадровой проблемы остается одной из лакун в реконструкции социально-экономической истории региона периода Великой Отечественной войны. Ее заполнению и посвящена данная статья.

Методологической базой исследования является теория социальной мобильности, согласно которой индивиды переходят с одной социальной позиции на другую, равно-

значную или неравнозначную предыдущей. В годы войны такие перемещения гражданского населения в СССР обуславливались преимущественно мероприятиями советского государства в области социально-трудовых отношений. В одних случаях власть стремилась воспрепятствовать мобильности, в других – пыталась ее развивать. Специфика смешанного состава эвакуантов (кадровые работники и иждивенцы без профессии) позволяла успешно реализовать этот двойственный подход к рассматриваемой категории людских ресурсов. В связи с этим цель исследования – выявление в процессе функционирования механизмов ограничения и стимулирования трудовых перемещений эвакуанселения западносибирского тыла основных тенденций государственной кадровой политики в регионе в первой половине 1940-х гг.

В начальный период Великой Отечественной войны в СССР развернулась беспрецедентная по масштабам эвакуация населения. Во втором полугодии 1941 – 1942 г. в восточные районы страны было вывезено от 12 до 17 млн чел. [Потемкина, 2006. С. 24]. В это время Западная Сибирь приняла более 1 млн чел. [Савицкий, Романов, 2014. С. 110]. На 1 января 1943 г. в регионе находилось 925 тыс. эвакуантов, включая 513 тыс. трудоспособных, на 1 января 1944 г. – 507,4 и 282,2 тыс., на 1 апреля 1945 г. – 201,5 и 96,2 тыс. чел. [Во имя Победы..., 2005. С. 138]. Их учетом и трудоустройством до февраля 1942 г. занимались отделы край- и облисполкомов, курировавшиеся уполномоченными Совета по эвакуации при Совнарком СССР, с февраля 1942 г. – отделы хозяйственного устройства эвакуированного населения. На начало 1943 г. в отраслях экономики западносибирского тыла было занято 346,5 тыс. чел., или 67,5 % трудоспособных эвакуантов, на 1 апреля 1943 г. – 411,1 тыс., или 80,9 %, на 1 января 1944 г. – 200,7 тыс. чел., или 71,1 % [Там же]. Следовательно, основная масса эвакуанселения рабочего возраста заняла значительную часть трудовых вакансий в регионе.

Источники позволяют выделить в составе мигрантов, прибывших в Западную Сибирь в 1941–1942 гг., четыре социальных потока. На 1 января 1943 г. в Новосибирской

области насчитывалось 504,3 тыс. эвакуантов, в том числе прибывших вместе с промышленными предприятиями – 109,6 тыс. (21,7 %), учреждениями и организациями – 189,1 тыс. (37,5 %), с детскими учреждениями – 13,8 тыс. (2,4 %), в индивидуальном порядке – 187,8 тыс. чел. (37,2 %) [Во имя Победы..., 2005. С. 261]. В первом потоке находились фабрично-заводские рабочие, инженерно-технические работники, служащие и члены их семей. Второй был представлен конторскими специалистами и служащими, интеллигенцией, работниками строительства, транспорта и членами их семей, учащимися государственных трудовых резервов, студентами техникумов и вузов. В третий включались работники, члены их семей, воспитанники детских домов и интернатов. Четвертый состоял из населения, эвакуированного в индивидуальном порядке (незанятые рабочие и специалисты, учащиеся, домохозяйки, пенсионеры и т. д.). Первые три потока распределялись региональными и местными органами власти Западной Сибири преимущественно между крупными городами, последний – сельскими районами. В зависимости от размещения трудоспособные эвакуанты направлялись в основном в индустриальный или аграрный сектор общественного производства.

Структура занятости эвакуантов в Западно-Сибирском регионе в годы войны позволяет выявить основные направления их социально-трудовых перемещений. В начале 1943 г. в Новосибирской области было учтено 281,3 тыс. трудоспособных эвакуантов. Из числа данного контингента в промышленности работали 128,1 тыс. чел. (45,8 %), в сельском хозяйстве – 50,0 тыс. (17,8 %), в промысловых артелях – 16,3 тыс. (5,8 %), на железнодорожном транспорте – 8,0 тыс. (2,8 %), в учреждениях и организациях – 5,2 тыс. чел. (1,8 %) [Там же. С. 203]. Сопоставление этих данных со сведениями о социальных эвакуопотоках свидетельствует о том, что наиболее «инертной» людской массой являлся производственный персонал перебазируемых в регион заводов и члены его семей, наиболее динамичной – эвакуанты, прибывшие с учреждениями и организациями или индивидуально. В результате трудоустройства люди перемещались из

среды конторских специалистов и служащих, интеллигенции, учащихся, студентов, домохозяек, пенсионеров в ряды рабочих и служащих предприятий и совхозов, колхозных работников, в том числе со вступлением в члены колхоза.

Неравномерная социальная динамика трудовой мобильности тех или иных категорий эвакуантов была связана с действием социально-профессиональных, материально-бытовых и мобилизационных механизмов ее ограничения и стимулирования.

Набор социально-профессиональных «инструментов» сдерживания текучести опытных кадров в условиях эвакуации включал обеспечение им соответствующих рабочих мест и сохранение производственного стажа на предприятиях, трудоустройство специалистов, самостоятельно приехавших в Западную Сибирь. Данные механизмы, прежде всего, были ориентированы на промышленный персонал. На 1 ноября 1941 г. только с 15 эвакуированными заводами, одним НИИ и тремя строительными трестами оборонной промышленности в Новосибирск прибыло 25,8 тыс. рабочих, служащих и членов их семей [Савицкий, Романов, 2014. С. 112]. Поступавшая рабочая сила использовалась в тех же отраслях и по аналогичным специальностям, что и до эвакуации. Согласно приказу по комбинату «Кузбассуголь» от 25 ноября 1941 г. эвакуированные рабочие и ИТР треста «Орджоникидзеуголь» комбината «Донецкуголь» направлялись в трест «Прокопьевскуголь». С 25 ноября 1941 по 12 января 1942 г. из Донбасса в г. Прокопьевск Новосибирской области (в границах на 1 января 1941 г.) прибыли 964 шахтера, в том числе имевших подземные специальности – 682 [Во имя Победы..., 2005. С. 141]. Данный контингент труженников, за исключением десяти горняков, был использован по профессиям в угольной промышленности Кузбасса.

Типичная ситуация складывалась при эвакуации учебных заведений гострудрезервов. В первые месяцы войны в Западную Сибирь прибыли десятки ремесленных, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО). Численность учащихся учреждений начального профессионально-технического образования региона выросла с 13,7 тыс. чел. в начале 1941 г. до 55,8 тыс.

чел. в начале 1942 г. [Чирков, 1973. С. 266]. Эвакоконтингенты воспитанников РУ, ЖУ и школ ФЗО распределялись в соответствии со своей специализацией. На 10 декабря 1941 г. из 7 726 учащихся, поступивших в Новосибирскую область, на предприятия Кузбасса были направлены 4 953 чел., Новосибирска – 1 717, Бердска – 434, Томска – 622 чел.¹ Такое распределение обуславливалось тем, что более половины «ремесленников» и «фзэушников» приехали из Донбасса. В связи с этим они привлекались в угольную и металлургическую промышленность для продолжения обучения по искомым профессиям.

Обеспечение трудоустройством по специальности квалифицированных работников, эвакуированных индивидуально и размещенных в сельской местности, также можно рассматривать как ограничительный «клапан» социально-трудовой мобильности мигрантов. Но этот механизм функционировал лишь при наличии соответствующих вакансий. В докладной записке о проверке состояния эвакуированного населения в Коченевском районе Новосибирской области от 15 сентября 1942 г. отмечалось, что ряд прибывших специалистов продолжали трудиться на своих должностях. Например, Григель занял должность заместителя директора конторы Заготзерно, Овчаров – председателя Райпотребсоюза, Ситников – старшего налогового инспектора, Абрамюк – председателя райплана, Токман – заведующего учебной частью средней школы, Слободюк – агронома, Кильчская – заведующего кадрами райисполкома, Иванова – старшего инспектора статучета ЦСУ, Червинка и Феяберт – учителя². Эти специалисты, отличавшиеся высокой квалификацией и богатым опытом работы, сохраняли свой профессиональный статус и в западносибирском тылу.

Социально-профессиональным стимулом трудовых перемещений служила подготовка кадров из числа неработающего эвакуанаселения или не имевшего возможности трудоустроиться по специальности. На предприятиях действовала система профессионального обучения нового кадрового пополнения из среды домохозяек, школьников, студентов,

служащих, колхозников. Ученики прикреплялись к опытным рабочим и мастерам, передававшим им в сжатые сроки элементарные технические знания и навыки. Данный метод производственной учебы применялся и к мигрантам, прибывшим из европейской части СССР. Освоение заводской профессии означало для многих из них смену прежнего социального статуса.

Следует отметить, что включение эвакуантов в рабочий класс западносибирского тыла было нелегким делом. Особенно трудно адаптировалась к оборонному производству молодежь, оторванная эвакуацией от семьи и родного дома. В этом смысле весьма показательна судьба 14-летнего подростка Давида Раппопорта, в одиночку уехавшего из прифронтового Днепропетровска в Новосибирск. Чтобы выжить в чужом городе, он поступил на завод им. Воскова учеником токаря. Первоначально юноше не удалось овладеть этой профессией и его отправили работать в подсобное хозяйство. Через некоторое время Раппопорт вернулся в цех и вновь начал посещать занятия по техминимуму, перенимать производственный опыт у стахановцев. После получения квалификации он стал одним из лучших токарей завода им. Воскова, руководителем комсомольско-молодежной бригады, делегатом II съезда рабочей молодежи³. Данный пример весьма ярко отражает и житейскую драматичность, и успешность вынужденных социальных перемещений людей, заброшенных войной в Западную Сибирь с другого края страны.

В отличие от предприятий, в колхозах и совхозах подготовка квалифицированных работников из эвакуанаселения осуществлялась на специальных курсах. 24 марта 1942 г. исполком Тяжинского района Новосибирской области принял решение о создании курсов трактористов для граждан Латвийской ССР. С целью привлечения латвийцев к обучению по этой специальности «курсистам» предлагались месячная стипендия в размере 200 руб. и отдельное питание. Всего планировалось подготовить 30 трактористов в основном из числа уроженцев прибалтийских городов, впервые осваивавших сельскохо-

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 3, 4.

² Там же. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 960. Л. 244.

³ Там же. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 157. Л. 18.

зыйственную профессию [Во имя Победы..., 2005. С. 110, 111].

Но далеко не все из размещенных в колхозной деревне рабочих и специалистов могли быть использованы в аграрном производстве. В 1943 г. в Алтайском крае насчитывалось 24 тыс. незанятых эвакуантов [Там же. С. 223]. Значительную часть из них составляли бухгалтеры, техники, инженеры, учителя, врачи, нестроенные на работу в сельских районах региона. Тяжелое материальное положение семьи вынуждало представителей интеллигенции трудиться не по специальности. Так, в колхозе им. Ворошилова Ояшинского района Новосибирской области кандидат медицинских наук К. Г. Вильгельм занимался перевозкой сена, доцент И. И. Вельш – преподаванием в школе⁴. Эти специалисты перемещались по нисходящей социально-профессиональной траектории, приводившей к существенному понижению их статуса. Необходимо было создать условия для их перехода на высококвалифицированные рабочие места, чему способствовали меры по приоритетному материальному снабжению персонала важнейших предприятий и учреждений западносибирского тыла.

Материально-бытовые ограничения трудовой мобильности были связаны с сохранением заработной платы и выплатой «подъемных» персоналу эвакуированных предприятий, обеспечением его жилплощадью, промтоварами и продовольствием. С момента начала эвакуации до налаживания выпуска продукции на новом месте труженикам заводов и фабрик выплачивался средний заработок за последние три месяца. После прибытия в тыловые районы заводчанам выдавались пособия: главе семьи – месячный оклад, жене – четверть, остальным членам – по одной восьмой оклада [Потемкина, 2006. С. 45]. В целом, эвакуированные кадры получали денежную помощь, позволявшую дирекциям заводов закрепить их на производстве.

Наряду с финансовой поддержкой, для рабочих, ИТР, служащих и их семей в крупных городах ускоренными темпами строилось или освобождалось жилье. В годы вой-

ны в Омске было введено в эксплуатацию 120 тыс. кв. м жилплощади, Новосибирске – 250 тыс., Алтайском крае – 100 тыс. [Рабочий класс Сибири..., 1984. С. 141]. Эвакуанселение размещалось в бараках и землянках, в освобожденных жилых или служебных помещениях в первоочередном порядке. С этой целью по постановлению Новосибирского горкома ВКП(б) от 17 октября 1941 г. за счет выселения организаций из города планировалось получить 39,5 тыс. кв. м жилплощади, уплотнения и двухсменной работы местных учреждений – 21,5 тыс., уплотнения населения – 27 тыс., выселения части горожан – 7,5 тыс., строительства и оборудования жилья упрощенного типа – 67 тыс. кв. м [Оборонная промышленность..., 2005. С. 164, 165]. Благодаря данным мероприятиям на новосибирском заводе им. В. П. Чакалова в домах предприятия было поселено 1 460 семей беженцев, в домах учреждений и организаций города – 1 700 семей, в общежитиях для одиноких – 2 225 чел., за счет уплотнения – 5 000 семей [Оборонная промышленность..., 2005. С. 165, 166]. Выделенный жилой фонд завод использовал, прежде всего, для сохранения эвакуированных работников.

Вместе с решением жилищной проблемы, организованно прибывший в Западную Сибирь производственный персонал и его семьи включались в систему нормированного снабжения. Продовольственная «корзина» распределялась по четырем группам городского населения: рабочие и ИТР, служащие, иждивенцы, дети до 12 лет. Каждый из этих контингентов горожан получал продукты питания по особым нормам. Рабочие и ИТР, относившиеся к первой и второй категориям снабжения, обеспечивались наиболее весомыми пайками. По карточкам им выдавали в день соответственно 800 и 600 г хлеба, в месяц – 800 и 600 г сахара и кондитерских изделий, 2 200 и 1 800 г мяса и рыбы, 600 и 400 г жиров, 1 500 и 1 200 г крупы и макарон. У служащих первой и второй категорий уровень обеспечения продовольствием был ниже, чем у рабочих и специалистов: 500 и 400 г хлеба, по 600 г сахара, по 1 200 г мяса или рыбы, по 300 г жиров, по 800 г крупы и макарон [Букин, Тепляков, 1992. С. 8]. В целом карточная система являлась инструмен-

⁴ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 14, 15.

том конструирования в тыловых городах социально-профессиональной стратификации, позволявшей закреплять квалифицированные кадры в ведущих отраслях народного хозяйства. В условиях западносибирского тыла к этим кадрам в первую очередь относились труженики эвакуированных предприятий.

Материально-бытовыми стимулами социально-трудовых перемещений для неработающих эвакуантов служили заработок, жилищное и продовольственное обеспечение работников военной экономики. Наиболее высокой оплата труда была в оборонном производстве, наименее – в колхозном. В 1943 г. в тяжелой индустрии Новосибирска заработная плата рабочих составляла 567 руб., в том числе в «оборонке» – 629 руб., в 1944 г. – 666 и 713 руб. За годы войны на авиазаводе им. В. П. Чкалова их зарплата выросла с 577 до 788 руб., в то время как у основной массы рабочих и служащих Западной Сибири – с 279 до 499 руб. [Савицкий, Романов, 2014. С. 166, 167]. Такой заметный разрыв в денежном поощрении побуждал низкооплачиваемый конторский персонал претендовать на более высокооплачиваемые производственные вакансии. Данный фактор выступал в качестве одного из стимулов перемещения служащих эвакуированных учреждений и организаций в категорию индустриальных рабочих.

В свою очередь, незанятые члены семей эвакуантов рассматривали высокий заработок как важный источник пополнения семейного бюджета. Данные обстоятельства побуждали иждивенцев к занятости на предприятиях, приводившей к изменению их социальной позиции. В колхозной деревне эвакуанты работали за трудовни, оплачивавшиеся зерном по остаточному принципу. В связи с этим оказавшиеся в сельской местности горожане нередко отказывались от трудоустройства в колхозах, трудились там недобросовестно или уезжали в город для поиска наиболее приемлемо оплачиваемой работы на предприятиях.

В условиях военного времени более существенным стимулирующим механизмом трудовой мобильности незанятого эвакуанселения являлись преимущества в жизнеобеспечении производственного персонала. Одним из этих преимуществ выступало выделение городского жилья для семей прибы-

вавших из прифронтовой полосы рабочих, специалистов и служащих. Остальные эвакуанты размещались в сельских районах. В распоряжении Новосибирского облисполкома от 3 декабря 1941 г. о размещении эвакуированного населения отмечалось, что в г. Кемерово прибывала масса людей, не связанных с перебазируемыми туда предприятиями и учреждениями, и занимала дефицитную жилплощадь. Руководство облисполкома обязывало Кемеровский горисполком выявлять и отправлять таких новоселов в колхозы и совхозы Кемеровского, Крапивинского и Барзасского районов [Во имя Победы..., 2005. С. 153]. В данной ситуации трудоустройство на предприятии позволяло им закрепиться в городах Западной Сибири, а членам семей эвакуированных рабочих и специалистов – не потерять также связь с близкими родственниками.

Принадлежность к рабочему классу позволяла эвакуанселению рассчитывать на улучшение продовольственного снабжения. По карточкам иждивенцам в день выдавалось 400 г хлеба, в месяц – 400 г сахара и кондитерских изделий, 500 г мяса или рыбы, 200 г жиров, 600 г крупы и макарон [Букин, Тепляков, 1992. С. 8]. Паек рабочих и ИТР по основным продуктам превышал эти нормы в полтора – четыре раза, что побуждало эвакуированных домохозяек, учащихся, студентов к освоению именно производственных профессий. В конце 1942 г. на новосибирский завод № 386 вместе с родителями прибыла 14-летняя ленинградка Анастасия Матвеева, устроенная на должность табельщика. Однако табельщик мог рассчитывать на 500 г хлеба в день, в то время как рабочий – на 800 г. Чтобы заслужить большой паек, девушка добилась перевода из служащих в работницы производства боеприпасов [Букин, 2001. С. 96]. Следовательно, в ряде случаев нормированное снабжение служило профессиональному продвижению эвакуантов, успешно осваивавших заводские специальности.

Тяготы военной поры существенным образом ослабляли влияние материально-бытовых стимулов на динамику трудовой мобильности эвакуантов. На 22 мая 1943 г. в Новосибирской области по разным причинам не работали 73,2 тыс. эвакуантов, в том числе из-за отсутствия одежды и обу-

ви – 57,3 тыс., мест в детских садах и яслях – 13,4 тыс., выплаты денежных аттестатов семьям начсостава РККА и ВМФ – 2,5 тыс. чел. [Во имя Победы..., 2005. С. 203]. Согласно докладной записке инспектора отдела СНК РСФСР о состоянии трудового устройства и бытового обслуживания эвакуированного населения от 1 ноября 1943 г., одним из факторов нетрудоустроенности беженцев в Западной Сибири являлось отсутствие у матерей возможности в рабочее время оставить детей под надежным присмотром. В Алтайском крае из-за наличия малолетних детей не были заняты примерно 12–13 тыс. приезжих женщин, в Омской области – 6,8 тыс. Попытки областных советов переломить подобную ситуацию за счет расширения сети детсадов и яслей заканчивались неудачей. Например, решение Омского облисполкома по этому вопросу было выполнено на 25 % [Там же. С. 236]. Острая нехватка материальных ресурсов, затруднявшая разрешения социальных проблем, побуждала советское государство применять по отношению к незанятому эвакуанселению меры мобилизационного характера.

Ограничение и стимулирование социально-трудовых перемещений в интересах военного производства осуществлялось также с помощью административных рычагов. В первом случае их действие распространялось на рабочих, ИТР и служащих эвакуированных заводов и фабрик. По постановлению СНК СССР от 23 июля 1941 г. «О предоставлении Совнаркомом республик и край(обл) исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу» правительства союзных и автономных республик, исполкомы краевых и областных советов получили административный ресурс, позволявший перемещать персонал важнейших предприятий и учреждений в другие регионы. Отказ от служебного перевода квалифицировался как самовольный уход с места работы, на который распространялись уголовные нормы Указа Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Согласно данным нормам уклонение от организованной эвакуации

могло закончиться для трудящихся судебным преследованием и тюремным заключением на срок от двух до четырех месяцев. В связи с этим участие в эвакуационных мероприятиях становилось обязанностью персонала перебазировавшихся в глубокий тыл производственных объектов.

По прибытию в Западную Сибирь труженики эвакуированных заводов оборонного значения оказывались под действием Указа ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Работники ведущих отраслей военной экономики получали статус мобилизованных, а самовольный уход с производства рассматривался как «дезертирство». «Дезертиры трудового фронта» находились под юрисдикцией военных трибуналов НКВД, применявших к ним в качестве наказания тюремное заключение на срок от пяти до восьми лет. По Указу ПВС СССР от 29 сентября 1942 г. «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» подобные нормы уголовного права проецировались на уклонение квалифицированных производственников от эвакуации из прифронтовых регионов. Данные меры способствовали сохранению кадровой основы оборонных заводов, оборудование которых вывозилось в том числе и в Западную Сибирь.

Чтобы использовать незанятое эвакуанселение в отраслях народного хозяйства, советскому государству, напротив, приходилось активизировать социальные перемещения. С этой целью широко применялась трудовая мобилизация неработающих горожан и селян, включая вывезенных в тыловые районы домохозяек, учащихся и студентов, членов семей начсостава РККА и ВМФ и т. д. Во втором полугодии 1941 г. в Новосибирской области (в границах на 1 января 1941 г.) в промышленность, строительство и на транспорт были призваны 128 тыс. чел. Более 90 % данного контингента составляли эвакуированные (114 тыс. чел.)⁵. После принятия Указа ПВС СССР от 13 февраля 1942 г. мобилизационные кампании, уклонение от которых преследовалось в уголовном порядке, стали

⁵ ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 199. Л. 6.

основным механизмом вовлечения людского потенциала в военную индустрию. Вместе с тем в первом полугодии 1942 г. доля эвакуантов в составе трудовых ресурсов, мобилизованных в ведущем индустриальном регионе западносибирского тыла, сократилась до 45 %⁶. Данная тенденция обуславливалась сокращением численности безработных беженцев, востребованных в производстве. На 1 июля 1943 г. промышленность и транспорт Новосибирской области (в современных границах) по разнарядкам, утвержденным центральными или региональными властями, получили около 180 тыс. чел., включая 75 тыс. эвакуированных [Докучаев, 1973. С. 225]. Удельный вес мигрантов из европейской части СССР составлял не менее 40 % новых рабочих рук, влившихся в основные сферы военной экономики региона.

Трудовые мобилизации служили также средством привлечения эвакуантов к выполнению сезонных работ в сельском хозяйстве. Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» в аграрное производство призывались горожане и селяне, неработающие в промышленности и на транспорте, служащие, учащиеся шестых – десятых классов, студенты техникумов и вузов. Руководствуясь этой директивой, Кемеровский горисполком в мае 1942 г. направил в сельское хозяйство Кузбасса 3 380 школьников, 1 049 студентов, 5 060 учащихся школ ФЗО и 13 544 служащих⁷. Значительную часть этих контингентов составляло неорганизованное эвакуантское население, целенаправленно перемещавшееся из крупного промышленного центра в колхозы и совхозы. Такое перемещение носило вынужденный характер, поскольку уклонение от призыва наказывалось в судебном порядке принудительными работами на срок до шести месяцев.

Иногда административно-репрессивные механизмы стимулирования занятости эвакуированных применялись вне рамок трудовых мобилизаций. Например, в отчете инспектора по эвакуации населения в Чер-

пановском районе Новосибирской области Севериной от 22 января 1942 г. сообщалось, что среди трудоспособных беженцев в колхозах и совхозах не работают 56 чел. В ответ уполномоченный Управления по эвакуации населения Новосибирской области Матвеев предложил инспектору за отказ от трудоустройства оформлять «материал с передачей дела в соответствующие органы»⁸. Данный факт красноречиво свидетельствовал о стремлении отдельных аппаратных работников, обустроивших эвакуированное население в западносибирских регионах, использовать угрозу уголовного наказания как стимул к его вовлечению в трудовую деятельность. Однако местные власти и уполномоченные по эвакуации избегали широкого применения репрессивных мер в отношении нетрудоустроенных эвакуантов, стремясь создать условия для их жизнеобеспечения, переквалификации или переезда на другое место жительства.

В годы Великой Отечественной войны одной из специфических черт социально-экономической политики советского государства являлся комплекс мероприятий по ограничению и стимулированию мобильности населения, эвакуированного в тыловые районы страны. Данная политика получила наиболее концентрированное выражение в Западной Сибири, которая в рассматриваемый период была весьма слабо обеспечена людскими ресурсами, имевшими важное хозяйственное значение. В связи с этим регулирование трудовых перемещений эвакуантов в регионе осуществлялось с помощью механизмов, приводившихся в действие за счет социально-профессиональных, материально-бытовых и административно-мобилизационных мер. Они включали предоставление высококвалифицированному персоналу и учащимся учебных заведений гострудрезервов соответствующих рабочих и учебных мест (ограничения), различные способы подготовки и переподготовки кадров (стимулы), денежные и натуральные формы жизнеобеспечения (ограничения или стимулы), угрозу уголовного преследования за отказ от работы (ограничения или стимулы). При этом социально-профессиональные рычаги выполняли лишь одну функцию: сдерживали или акти-

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. Р-1814. Оп. 1. Д. 9. Л. 286.

⁸ Там же. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 172. Л. 14.

визировали социальные переходы эвакуационного населения, которые могли быть обусловлены его трудоустройством. В свою очередь, материально-бытовые и мобилизационные «инструменты» одновременно играли роль предохранительных клапанов и движущих пружин трудовой мобильности эвакуируемых.

Следовательно, в процессе функционирования механизмов регулирования трудовых перемещений эвакуационного населения западносибирского тыла нашли отчетливое отражение две противоположные тенденции общегосударственной кадровой политики военного времени. Первая заключалась в сдерживании оттока наиболее опытных работников из оборонной и смежных с ней отраслей тяжелой промышленности, вторая – в активизации поступления незанятых эвакуантов в отрасли народного хозяйства. Данные тенденции обеспечили приоритетное использование эвакуированных людских ресурсов в интересах развития региональной экономики Западной Сибири, непосредственно связанного с укреплением обороноспособности СССР в условиях мировой войны.

Список литературы и источников

Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ставрополь: Ставроп. правда, 1967. 331 с.

Букин С. С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2001. 111 с.

Букин С. С., Тепляков А. Г. Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 6–34.

Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах (1941–1942): В 3 т. / Сост. и отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск, 2005. Т. 1: Исход. 339 с.; Т. 2: На сибирской земле. 376 с.

Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 422 с.

Докучаев Г. А. Решение проблемы кадров в период Великой Отечественной войны //

В грозные годы: Тр. науч. конф. «Сибиряки – фронту». Омск, 1971. С. 41–50.

Докучаев Г. А. Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1968. 320 с.

Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. / Под ред. И. М. Савицкого. Новосибирск: ОГУ «Государственный архив Новосибирской области», 2005. 873 с.

Петрова В. Т. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 1968. 389 с.

Потемкина М. Н. Эвакуационное население в Уральском тылу (1941–1948 гг.). Магнитогорск, 2006. 264 с.

Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002. 264 с.

Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука, 1984. 376 с.

Савицкий И. М., Романов Р. Е. Рабочие, инженеры, техники оборонной промышленности Западной Сибири – фронту (1941–1945). Новосибирск: ООО «Сибирское книжное издательство», 2014. 412 с.

Снегирева Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 204–211.

Федотов В. В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Самара, 2009. 198 с.

Чирков А. Д. К вопросу о подготовке квалифицированных рабочих в Сибири (1941–1945) // Народы Сибири в Великой Отечественной войне. Кызыл, 1973. С. 264–274.

Щеголев К. М. Участие эвакуированного населения в колхозном производстве Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1959. № 2. С. 139–145.

R. E. Romanov

*Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

rromanov1981@mail.ru

SOCIAL AND LABOR RELOCATIONS OF EVACUATED PEOPLE IN WEST SIBERIAN REAR (1941–1945): CONSTRAINTS AND INCENTIVES

Aspects of employment for evacuated people in Western Siberia during the Great Patriotic War were highlighted in domestic trials. However, the issue of «technology» of Soviet state regulation of social and labor relocations of evacuees and their impact to the ways of solving the personnel problem remains one of the gaps in the history of the region during the Great Patriotic War. The goal of the paper is to identify the mechanisms of the operation of control and stimulation of social and labor relocations of evacuated people in West Siberian rear main trends of personnel policy of the Soviet state in the region during the war. A comprehensive analysis of the sources revealed that the central and local governments used to manage labor mobility of evacuees in West Siberian rear. A set of mechanisms is driven by socio-professional, material and household and administrative mobilization of measures aimed at strengthening the human resources of personnel and at employment non-working population in the production area. Socio-professional measures included providing relevant jobs to highly qualified personnel of evacuated enterprises and to students of educational institutions of gostrudrezervs; different ways of training and retraining of personnel; living measures – money and subsistence life support; administrative and mobilization measures – the threat of criminal punishment for draft evasion in industry and agriculture. While the mechanisms of labor regulation being in operation, relocations of evacuated people in West Siberian rear reflected two opposing tendencies in national personnel policy of wartime. The first trend was curb of outflow of the most experienced employees from defense and related sectors of heavy industry, the second one – in boosting the unemployed evacuees supply of key sectors of economy. These trends provided priority use of the evacuees human resources for regional economic development in Western Siberia, which was directly related to the strengthening of the defense capability of the Soviet Union in the world war.

Keywords: the Great Patriotic War, West Siberian rear evacuated population, social and labor movements, restrictions and incentives.

References

Akulov M. R. *Promyshlennoe razvitie Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945* [Siberian Industrial Development in the Years of the Great Patriotic War 1941–1945]. Stavropol, Stavropol'skaya pravda, 1967, 331 p. (in Russ.)

Bukin S. S. *Zavod «Iskra» v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Istoricheskii ocherk i vospominaniya veteranov* [«Iskra» Plant in the Years of the Great Patriotic War: Historical Essay and Veterans' Memories]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 2001, 111 p. (in Russ.)

Bukin S. S., Teplyakov A. G. *Prodovol'stvennaya problema v gorodakh Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The food problem in Western Siberian cities in the years of the Great Patriotic war]. *Problemy truda i byta gorodskogo naseleniya Sibiri (1940-e – 90-e gody)* [Siberian Urban Population's Problems of Labour and Everyday Life (from 1940s to 90s)]. Novosibirsk, 1992, p. 6–34. (in Russ.)

Chirkov A. D. *K voprosu o podgotovke kvalifitsirovannykh rabochikh v Sibiri (1941–1945)* [To the question of qualified workers' training in Siberia (1941–1945)]. *Narody Sibiri v Velikoi Otechestvennoi voine* [Siberian Peoples in the Great Patriotic War]. Kyzyl, 1973, p. 264–274. (in Russ.)

Dokuchaev G. A. *Rabochii klass Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [*Siberian and Far Eastern Working Class in the Years of the Great Patriotic War*]. Moscow, Nauka, 1973, 422 p. (in Russ.)

Dokuchaev G. A. Reshenie problemy kadrov v period Velikoi Otechestvennoi voiny [The personnel problem decision in the period of the Great Patriotic war]. *V groznye gody: trudy nauchnoi konferentsii «Sibiryaki – frontu»* [*In the Fearsome Years: Works of Scientific Conference «Siberians – to Frontline»*]. Omsk, 1971, p. 41–50. (in Russ.)

Dokuchaev G. A. *Sibirskii tyl v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [*Siberian Hinterland in the Years of the Great Patriotic War*]. Moscow, Nauka, 1968, 320 p. (in Russ.)

Fedotov V. V. *Evakuirovannoe naselenie v Srednem Povolzh'e v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [*Evacuated People in Middle Volga Region in the Years of the Great Patriotic War (1941–1945)*]. Samara, 2009, 198 p. (in Russ.)

Oboronnaya promyshlennost' Novosibirskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [*Defense Industry of the Novosibirsk Region in the Years of the Great Patriotic War*]. I. M. Savitskii (ed.). Novosibirsk, «Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti», 2005, 873 p. (in Russ.)

Petrova V. T. *Deyatel'nost' partiinykh organizatsii Zapadnoi Sibiri po usileniyu tvorcheskogo sodruzhestva nauki s proizvodstvom v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [*The Western Siberia Party Organizations' Activities for Increasing Constructive Fellowship between Science and Industry in the Years of the Great Patriotic War (1941–1945)*]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1968, 389 p. (in Russ.)

Potemkina M. N. *Evakonaselenie v Ural'skom tylu (1941–1948 gg.)* [*Evacuated People in Ural Hinterland (1941–1948)*]. Magnitogorsk, Izdatel'stvo Magnitogorskogo universiteta, 2006, 264 p. (in Russ.)

Potemkina M. N. *Evakuatsiya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny na Urale: lyudi i sud'by* [*Evacuation to Ural in the Years of the Great Patriotic War: People and Fates*]. Magnitogorsk, Izdatel'stvo Magnitogorskogo universiteta, 2002, 264 p. (in Russ.)

Rabochii klass Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma [*Siberian Working Class in the Period of Consolidation and Development of Socialism*]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 376 p. (in Russ.)

Savitskii I. M., Romanov R. E. *Rabochie, inzhenery, tekhniki oboronnoi promyshlennosti Zapadnoi Sibiri – frontu (1941–1945)* [*Workers, Engineers, Technicians of Western Siberian Defense industry – to Frontline (1941–1945)*]. Novosibirsk, «Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2014, 412 p. (in Russ.)

Schegolev K. M. Uchastie evakuirovannogo naseleniya v kolkhoznom proizvodstve Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Evacuated people's participation in Western Siberian kolkhoz production during the years of the Great Patriotic war]. *Istoriya SSSR* [*History of USSR*], 1959, no. 2, p. 139–145. (in Russ.)

Snegireva L. I. Trudoustroistvo evakuirovannogo naseleniya v Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Evacuated people's employment in Western Siberia during the years of the Great Patriotic war]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 2010, vol. 9, iss. 1, p. 204–211. (in Russ.)

Vo imya Pobedy: evakuatsiya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v dokumentakh i materialakh (1941–1942) [*In the Name of Victory: Evacuation of the Civilian Population to Western Siberia in Documents and Materials (1941–1942)*]. L. I. Snegireva (comp. and ed.). Tomsk, 2005, vol. 1. Iskhod [Outcome], 339 p.; vol. 2. Na sibirskoi zemle [On Siberian land], 376 p. (in Russ.)